

А.Д. Оноприенко

аспирант 2 года обучения ХГУ (г.Херсон, Украина)

научный руководитель – Н.И. Ильинская

д. филол. наук, проф., зав. кафедры

мировой литературы и культуры им. проф. О.Мишукова ХГУ.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРХЕТИПА АРАХНЫ В ПОЭЗИИ СИМВОЛИЗМА

В контексте поэтики символизма достаточно распространены образы паука и паутины. Несмотря на это, существует не так много исследований, посвященных изучению функционирования этого образа в контексте мотива тоски-«ennui» – одного из основных в творчестве писателей-символистов. Целью статьи является исследование художественного воплощения семантики архетипа Арахны в структуре мотива «ennui de vivre».

Связь зоосимвола паука с декадентскими мотивам рассматривался в западном литературоведении, в частности – в монографии А.Ханзен-Леве «Русский символизм» [7], где образ паука прослеживается в контексте развернутого исследования мотивной структуры поэзии символизма. Х.Бар-Йосеф также упоминает о значении данного образа [1] – уже в компаративном аспекте, где зоосимволика выступает как составная часть системы воздействий европейского символизма на еврейскую литературу. Некоторые аспекты символики паука и паутины исследованы В.Мароши [3], в работах которого эти образы рассматриваются в контексте архетипа Арахны, прослеживается генезис и трансформация образов паука и паутины в мировой литературе.

В процессе эволюции этот символ значительно трансформируется, однако основные его качественные черты остаются неизменными – с образом паука связаны мотивы яда, судьбы, ловушки, процесса ткачества, плетения и т.д., которые контекстуально объединяются в единое семантическое поле преимущественно через зоосимвол паука. Литературоведы исследуют архетипическую природу этого зоосимвола, начиная от хтонического образа женщины-паука Арахны. Именно от этого мифа начинается использование символики пауков в мировой литературе – как напрямую, через использование образа паука самого по себе, так и опосредованно – через поэтическую лексику, относящуюся к семантическому полю паука и паутины: «Во второй, протомодернистской и модернистской фазе актуализации архетипа как метатекстуальной метафоры внетекстовые время и пространство становятся частью воображаемого и «текстового» пространства, созданного суверенным субъектом – автором или героем, который претендует на статус «автора». В рамках христианской культуры неизбежна демонизация образа Арахны и самой метафоры, которая разветвляется на собственное текстильную (шитье и прядение) и демоническую» [3, 28]. Исследователи обращают внимание на ту же черту, которую отмечает А.Ханзен-Леве – на демонизацию архетипа Арахны.

Вследствие демонизации образа паука западное литературоведение относит мотивы паука и паутины в группу диаволических мотивов литературы символизма [7, 101 – 102]. В нашей статье термин «диаволический мотив» используется согласно трактовке А.Ханзен-Леве. Исследователь видит начало демонизации паука еще в творчестве Достоевского, влияние образной системы которого, по словам литературоведа, прослеживается в творчестве писателей-декадентов. Вот что пишет по этому поводу А.Ханзен-Леве: «архетипический символ «мира-паука» занимает важное место в мифопоэтической космогонии» [7, 102]. Кроме того, по А.Ханзен-Леве «мир-паук» тесно связан с «миром-тюрьмой» через символ паутины-ловушки. А уже из этого мотива тюрьмы логически следует хронотоп замкнутого пространства, характерный для создания мотива тоски/скуки – «ennui». Демонизированный образ паука выходит за пределы архетипа Арахны, расширяясь до смыслового наполнения мира-ловушки, приобретая глобальное значение.

Связь символа паутины как с космогоническим мифом «мирового полотна» [7, 107], так и с символистской мифологемой «мира-тюрьмы» прослеживается в текстах Ф.Сологуба:

Повсюду плелась паутина,
Повсюду рабочих судьбина
В нее неизбежно вела [4, 244].

(«Под солнцем страны полуденной...»)

Невозможность спасения является определяющей чертой паутины-ловушки в лирике декадентов. Для Ф.Сологуба ловушкой является сама жизнь, а спасением – смерть: «...и грызет мое сердце тоска ядовитая с каждым днем все сильнее, да сильней, хоть бы смерть, старушонка сердитая, приходила ко мне поскорей» [4, 699]. «Паутину жизни рву» [5, 227], – пишет автор в произведении «Думы черные лелею ...», выражая готовность лирического героя оборвать жизнь самостоятельно, – «И дознаться не умею, для чего и чем живу». Именно эта невозможность найти свое место в паутине реального мира вызывает тоску-«ennui». Аналогичную точку зрения находим в книге Х.Бар-Йосеф [1, 143]. По мнению исследователя декадентской поэтики, паук символизирует ощущение декадентом того, что внешняя и внутренняя реальности являются невидимой ловушкой, и у человека нет другого шанса высвободиться из нее, кроме смерти.

Характерная для лирики Ф.Сологуба мифологема смерти-спасительницы граничит с богоборческими мотивами – лирический герой готов разорвать паутину жизни самостоятельно, тем самым идя против общемирового порядка. Рассматривая поэтическое творчество Ф.Сологуба как мифопоэтическое единство, богоборческие мотивы объединяются с архетипом Арахны через образ антропоморфного паука, в частности в произведении «Люблю блуждать я над трясиной...»: «Люблю по липкой паутине таиться пауком [6, 129]». Демонизированный архетип семантически сочетается со смертью через мотив яда: «Судьба дала мне плоть растленную, отравленную кровь [6, 129]». Такая «отравленная кровь» заполняет саму сущность лирического героя. Его

невозможность найти место среди паутины жизни, которая вызывает тоску-«ennui», подобна невозможности Арахны оставаться в мире людей.

Ф.Сологуб видит единственную возможность спасения в смерти, тогда как в лирике Ш.Бодлера путь спасения отсутствует вообще:

Quand la pluie étalant ses immenses traînées
D'une vaste prison imite les barreaux,
Et qu'un peuple muet d'infâmes araignées
Vient tendre ses filets au fond de nos cerveaux [8].
(«Spleen»)

Эти строки из стихотворения Ш.Бодлера «Spleen» («Сплин») имеют несколько поэтических переводов, однако исходя из воздействий французской литературы на русскую одним из важнейших является именно перевод Вяч.Иванова:

Как прутья частые одной темничной клетки
Дождь плотный сторожит невольников тоски,
И в помутившемся мозгу сплетают сетки
По сумрачным углам седые пауки [2, 115]...
(«Сплин»)

«Невольники тоски» – образ, который появляется в поэтическом переводе. Именно «тоска»-сплин является ключевым мотивом стихотворения Ш.Бодлера, а паутина становится метафорой ловушки, однако ловушки не физической, а той, которую болезненный мозг выстроил сам для себя – паутина скуки/тоски затмевает разум, а пауки в поэтическом переводе выступают метафорой внутренних демонов лирического героя, которые держат в плену его сознание и подсознание. Однако в этом же поэтическом переводе потеряны другие нюансы, в частности отсутствует метафора «un peuple muet d'infâmes araignées» – «немой народ бесчестных пауков». Антропоморфная семантическая составляющая указывает на архетип Арахны – народ пауков «vient tendre ses filets» – «нежно плетет свои сети» в сознании лирического героя. Метафизическое «Я» испытывает влияние «не-Я». В то же время сохранена метафора тюрьмы – «prison». Характерная особенность лирики Ш.Бодлера выражается в слиянии понятий внешнего хронотопа (тюрьма, дождь) с хронотопом внутренним («au fond de nos cerveaux» – в глубине мозга). Функционируя как во внутреннем, так и во внешнем хронотопе, образ паука у Ш.Бодлера не теряет своего символического значения. В стихотворении «Sépulture» («Похороны проклятого поэта») пауки сопровождают явления смерти и распада:

À l'heure où les chastes étoiles
Ferment leurs yeux appesantis,
L'araignée y fera ses toiles,
Et la vipère ses petits [8].
(«Sépulture»)

Поэтизация смерти, характерная для Ш.Бодлера, исходит из мотива скуки/тоски – она преследует человека на протяжении жизни через внутренних

демонов, она не оставляет и после смерти, только теперь ловушка-сеть из подсознания заменяется ловушкой физической – смертью. Мотив безысходности и необратимости усиливается. Опять происходит метафорический перенос значений – явление физической смерти связано с зоосимволами пауков и змей – ядовитых существ, которые окружают мертвое тело «проклятого поэта», позабытое всеми остальными. Процесс демонизации зоосимвола паука четко виден через сочетание его со смертью, архетип Арахны – через мотив проклятия. Как при жизни, так и в смерти проклятый поэт остается в ловушке метафизической паутины. Подобно тому, как эта паутина заключает сознание и личность лирического героя во внутреннем пространстве – она оплетает гроб в пространстве внешнем.

Итак, можно сделать вывод об использовании зоосимвола паука в творчестве писателей символистов преимущественно в демонизированном смысле – темное хтоническое существо, которое связано со смертью и сопровождает ее. Что касается паутины, появляется несколько значений, одно из которых – это сеть-ловушка, вырваться из которой невозможно. Иногда ловушкой становится сама жизнь, как это выражено в лирике Ф.Сологуба, иногда ловушка существует в подсознании лирического героя – это обнаруживаем, в частности, в творчестве Ш.Бодлера. Однако, несмотря на различия в содержательном наполнении, образ паука сохраняет свою архетипическую природу, которая берет свое начало в античной мифологии. В более широком смысле образ паутины формирует важную часть символистской космогонии – через метафору мирового полотна.

Список литературы

1. Бар-Йосеф Х. Коты и паутина в декадентском искусстве [Электронный ресурс] / Х.Бар-Йосеф // Бар-Йосеф Х. Еврейская традиция, европейский декаданс и русский символизм в творчестве Хаима Нахмана Бялика, или Хаим Нахман Бялик, европейский декаданс и русский символизм. – С. 141 – 145. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ua/>
2. Бодлер Ш. Цветы зла [под ред. Н.Балашова] / Ш.Бодлер. – М.: Наука, 1970. – 480 с.
3. Мароши В. Паук за работой: архетип Арахны в рефлексивной имагологии литературы / В.Мароши // Имагология и компаративистика. – №2/2014. – С. 17 – 33.
4. Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм: В 3-х т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1877 – 1892 гг. / Ф.Сологуб. – СПб.: Наука, 2012. — 1206 с.
5. Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм: В 3-х т. Т. 2. Кн. 1: Стихотворения 1893 – 1899 гг. / Ф.Сологуб. – СПб.: Наука, 2014. — 992 с.
6. Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм: В 3-х т. Т. 2. Кн. 2: Стихотворения 1900 – 1913 гг. / Ф.Сологуб. – СПб.: Наука, 2014. — 807 с.
7. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм [Пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха] / А.Ханзен-Лёве. – СПб.: Академический проект, 1999. – 512 с.
8. Baudelaire Ch. Les Fleurs du Mal [Электронный ресурс] / Ch.Baudelaire. – Режим доступа: http://royallib.com/read/Baudelaire_Charles/Les_Fleurs_Du_Mal.html

Аннотация

В статье рассматривается специфика использования архетипа Арахны в лирическом произведении. Исследуется его значение в мифотворчестве поэтов-

символистов и место образа паука и паутины в структуре мотива «ennui de vivre».

Ключевые слова: паук, паутина, архетип, зоосимвол, декаданс.

Abstract

This article presents the peculiarities of using of Arakhna's archetype in lyrics. Its importance in myth-making of Symbolist poets and its place in the structure of the motif «ennui de vivre».

Keywords: spider, spiderweb, archetype, zoo-symbol, decadence.